

Ташёва А.И.

Российская семья как ресурс и диагностический критерий противодействия экстремизму и терроризму

Современная российская семья как живая социальная система, с одной стороны, формирует личность, задавая ей систему нравственных ценностей, противодействующих экстремизму и терроризму; с другой стороны, она сама трансформируется под воздействием пережитого опыта семейного и несемейного насилия; с третьей стороны, качество семейных отношений может служить диагностическим критерием её безопасности/опасности для общества.

Ключевые слова: семья, ресурс, ненасильственные отношения, насилие в семье, заложенность, Стокгольмский синдром, терроризм, экстремизм.

Известно, что человек как личность начинается в семье. Ведь именно в этой уникальной малой группе осуществляется его первичная социализация за счет мощного личностного потенциала всех взрослых, прежде всего, родителей, посредством обучения ребенка семейным, национальным, культурным, героическим традициям; передачи ему жизненно важных представлений о полоролевой, национальной, культурной и прочих видах идентификации [1, 2, 9]. При оптимальных обстоятельствах именно в безопасных условиях семьи ребёнок получает первые навыки и опыт социальной перцепции – опыт восприятия и понимания самого себя, близких и посторонних людей; людей, похожих на него и от него в разной мере отличающихся. В семье формируются базовые ценности человека (представления о чести, достоинстве, уважении, доверии, толерантности, о свободе для себя и других); здесь он научается бережному отношению к самому себе и к другим людям, приобретает качества, навыки и умения, без которых немислим современный культурный человек.

Если семья не выполняет названных, витально значимых для конкретного человека и общества в целом функций, либо выполняет их утрированно, то результатом такого «воспитания» оказывается индивид, не умеющий ценить собственную и чужую жизнь, готовый искусственно прервать эти жизни во имя псевдоценностей. Несомненно, что именно эти люди составляют резерв для экстремистов и террористов любого толка.

Психологам, педагогам, гражданам страны безотносительно к их профессиям необходимо осознать, при каких условиях современная семья оптимально справляется с задачами воспитания личностно зрелого человека, а какие условия значительно минимизируют её состоятельность в этом плане.

Мы убеждены, что опыт жертвы домашнего и внесемейного насилия может в существенной степени трансформировать не только отдельные личности, их восприятие себя, мира, но может менять и системы отношений людей, включая жесткие патриархальные отношения. Рассмотрим эти идеи на примере нашего опыта работы с жертвами семейного насилия в Ростове, с жертвами теракта в Беслане.

Нами было предпринято эмпирическое изучение насилия в семьях г. Ростова-на-Дону: опрошено 80 граждан в возрасте от 20 до 45 лет, имеющих собственные семьи; люди разных профессий, из них 34 % мужчин и 66 % женщин [7]. Респондентами стали лица, испытывавшие насилие в родительских семьях в различных формах (основная группа – 40 человек), и лица, не имевшие подобного опыта (контрольная группа – 40 человек).

Методический инструментарий: тесты С. Розенцвейга и Басса-Дарки, опросник А.И. Тащёвой на исследование насилия в семье. Статистическая обработка результатов осуществлялась при помощи пакета Статграф (3.0) с использованием коэффициента корреляции Браве-Пирсона r при уровне достоверности $p < 0,05$.

Проведенное исследование позволяет сделать статистически достоверные выводы.

1. Респонденты обеих групп описывают насилие как какой-то конкретный вид поведения, а не дают его общую характеристику. Причем опрошенные из основной группы в качестве насилия чаще воспринимают поведение, направленное на причинение вреда и страданий кому-либо, а респонденты из контрольной группы более четко и конкретно выделяют виды насилия.
2. Четыре основных вида поведения респонденты расценивают как насильственный акт: физическое насилие, психологическое насилие, пренебрежение, экономическое насилие.
3. Респонденты, испытывавшие насилие в родительской семье, в 1,5 раза чаще, чем люди, не имеющие подобного опыта, допускают насилие в собственных семьях (83,6 % случаев против 55,7 %).
4. Формы насилия в родительских и собственных семьях респондентов, по сути, идентичны: постоянные скандалы, приказы, давление, прямые оскорбления, принуждения (*психологическое насилие*); порка ремнем, пощечины (*физическое насилие*); препятствие зарабатывать собственные деньги, ограничение в карманных деньгах, контроль трат (*экономическое насилие*). Респонденты обеих групп в собственных семьях не используют экономическое насилие.
5. Предположения респондентов о причинах насилия в родительских и их собственных семьях совпадают: злоупотребление «насильника» алкоголем, бытовые проблемы, недостаток взаимопонимания между членами семьи, разрядка собственного напряжения, разногласия, различия во мнениях.
6. Выявились 3 группы особенностей поведения насильника непосредственно перед совершением акта насилия: *характеристики невербального поведения* (изменение выражения лица «насильника», размахивание руками, угрожающие жесты, «швыряние» предметов, стук по какому-либо предмету); *паралингвистического поведения* (повышение тона голоса, «срывающийся» голос, молчание) и *вербального поведения* (придирки, упреки, издевательства, употребление нецензурных выражений).

7. *Паттерны реагирования жертв на насилие:* «плохое самочувствие», «острая потребность излить душу», «чем-нибудь отвлечься», «попытка исправить ситуацию», «ответное нападение», «без изменений».
8. Наиболее часто насилие в собственных семьях респондентов адресуется членам семьи: *близким людям* (дети, супруги, другие родственники), *друзьям/знакомым, а также домашним животным/растениям.*
9. *Закономерности в протекании насилия в собственных семьях респондентов* можно свести к следующим: «привычка» применять насилие, злоупотребление алкоголем, полная или частичная зависимость от насильника, безнаказанность насилия, презрение к правам партнера.
10. По мнению опрошенных, *семейное насилие имеет выраженные негативные последствия* для всех участников насильственного акта: «насильник» приобретает большую уверенность в правильности своих действий, испытывает «радость победы» и ещё большую озлобленность, может испытывать чувство вины перед жертвой; у жертвы отмечаются замкнутость, страх, агрессивное поведение по отношению к другим людям, обида, нервозность, суицидальные мысли, планы, попытки; свидетели насилия испытывают неловкость и дискомфорт от увиденного, они разочаровываются в насильнике, испытывают жалость и презрение к жертве.
11. К *факторам, защищающим семью от насилия*, опрошенные обеих групп отметили любовь и бережное отношение друг к другу, умение прощать ошибки других, желание уладить что-либо «мирным путем», взаимопонимание между членами семьи, терпимость.

Своеобразное отношение к насильственным действиям в семье мы обнаружили у жертв теракта в Беслане [3 и др.]. Веками в Северной Осетии культурной нормой оставались непререкаемый авторитет взрослых, мужчин, патриархальность семей с авторитарным типом взаимоотношений и закрытым, монологическим характером общения. Степень личностной свободы каждого из членов семьи определялась представлениями отца о допустимых и возможных проявлениях этой свободы, и любая попытка нарушить эти представления пресекалась самим отцом и всеми взрослыми членами семьи. Процесс общения в традиционных осетинских семьях имел характер своеобразной свёрнутости: не принято было делиться чувствами, информацией о состоянии здоровья друг друга, закрытый тип общения предписывался и мужчинам, и женщинам в семье и вне её, что во многих семьях существенно осложняло процесс заботы даже о физическом здоровье взрослых. Эта традиция могла нарушаться лишь при общении в семье близких родственников одного пола. «Строгий, но справедливый» отец мог применить физические наказания по отношению к детям, другим членам семьи, включая жену, что воспринималось как неизбежное непреодолимое преходящее событие. Было не принято открыто выражать сочувствие провинившемуся.

После теракта дети-заложники, другие дети Беслана, Республики стали демонстрировать очевидное и не скрываемое пренебрежение к родителям, сиблингам,

к другим близким. Дети 7 лет стали стенично настаивать на собственном более высоком семейном статусе; ребята 9–12 лет пытались повысить не только собственное положение в семье, но и статус матери, брата, бабушки. Презрев очевидную опасность быть физически наказанными суровым отцом, прослыть лгунами, «безбожными фантазерами», они позволяли себе вступить и в борьбу с властным, жестким отцом.

Выраженность данного симптома определялась степенью вовлеченности ребенка в теракт, возрастом детей, их личностными особенностями, наличием-отсутствием физической травмы во время теракта, ее тяжестью, а также поведением ребенка в ситуации заложничества, после освобождения и пр.

Максимально выраженные изменения в поведении оказались у третичных жертв (у жителей Беслана: кто, к счастью, сам не стал заложником и чьих близких родственников не оказалось в спортивном зале); в 3–4 раза меньшими эти изменения были у вторичных жертв (у братьев и сестер ребят, переживших теракт в школе); наконец, в 2–2,5 раза менее выраженными они оказались у первичных жертв теракта (у тех, кто находился непосредственно в спортзале школы). У вторичных и третичных жертв теракта описанные девиации были более агрессивными, чаще гетерогенными; адресовались преимущественно близким, младшим, слабым и посторонним взрослым, а также животным и растениям.

Отклонения от привычного, принятого прежде, поведения стали носить демонстративно вызывающий характер, не свойственный прежней системе отношений в Северной Осетии в целом, например, публичный нигилизм несовершеннолетних по отношению к некоторым национальным традициям общения со взрослыми посторонними людьми, в том числе с мужчинами; очевидное пренебрежение детей от 7 лет ко всем близким; несанкционированные близкими прогулы занятий; элементы установочного поведения, явные рентные установки; уверенность детей во вседозволенности «по факту прописки в Беслане». С особым трагизмом взрослые осетины до сих пор воспринимают нарушение детьми традиций семейных отношений.

У 54,5 % взрослых заложников и 18,2 % детей был зафиксирован Стокгольмский синдром как следствие насильственного удержания, который оказался тесно связанным с предшествующим теракту опытом жертвы семейного и несемейного насилия. Эти люди, достаточно точно описывая кошмары 52-х часов заточения в школе и свои тяжкие переживания, говорили, что с ужасом ожидали от террористов ещё большей агрессии, чем та, которую они проявили. Примеры «человеческого» поведения террористов: «сказал намочить белье под одеждой, сосать его вместо воды», «бросил шоколадку детям», «террорист спас меня во время штурма, приказав лечь за тела убитых и прикрыв своей курткой» и т.п.

Выявлено, что 86,7 % этих жертв до и после событий в школе неоднократно подвергались различным видам насилия: *домашнего* (5 человек – физическому, 7 – психологическому; 3 – экономическому) и *внедомашнего* (1 – физическому; 3 – психологическому; 1 – экономическому 2 – сексуальному). Формы пережитого до теракта насилия обычно сочетались.

Как отмечалось выше, указанные виды насилия частично отражают национальные семейные и поколенческие отношения в Северной Осетии, до осени 2004 г. они принимались практически всеми опрошенными как данность, как нормативное поведение близких, искренне заботившихся о будущем благополучии тех, по отношению к кому применялось насилие.

Таким образом, можно предположить появившуюся возможность изменения характера межличностного общения в Северной Осетии от закрытого, монологического – к более открытому, диалогическому общению, причиной которого явились столь драматичные события. Однако эти предпосылки к диалогическому характеру общения адекватно и болезненно до сих пор воспринимаются большинством взрослых осетин как явное, вызывающее отклонение от культурной нормы, как деструкция уже потому, что её источником стал террористический акт.

Вместе с тем, потенция к диалогическому общению является, по нашему мнению, свершившимся фактом, закономерным следствием, преодолеть которое чрезвычайно сложно и, вероятно, невозможно, так как многие осетины смогли интуитивно почувствовать или осознать, что прежний, традиционный характер общения в их семьях оказался недостаточно состоятельным в экстремальных, трагических обстоятельствах в Беслане и после них. Пережитая драма требовала большей открытости, большего взаимного доверия, а национальные и вероисповедальные традиции предписывали людям общение более сдержанное, более формальное, одностороннее, которое не смогло в полном объёме выполнить психотерапевтическую функцию в рамках бытовой и профессиональной психологической помощи. Полагаем, что описанные девиации общения и потенции их дальнейшей трансформации следует принять как данность и непременно учитывать во всех сферах жизнедеятельности: в воспитательной, образовательной, психотерапевтической и пр.

Работы предшественников, а также приведенные результаты выше описанных и других исследований автора неопровержимо свидетельствуют о том, что, по сути, любые проявления пережитого в детстве и во взрослом возрасте акта семейного насилия могут изменить отношение человека к себе («по отношению ко мне может быть допущена большая агрессия, чем та, которую сейчас проявляют»), способствуя формированию у жертв виктимного поведения, создают специфический сценарий и закономерности его насильственного поведения в собственной семье и вне семьи [4, 5, 6, 8]. В свою очередь, тяжелое внесемейное насилие, проявляющееся, например, в дикости теракта в школе, может иметь макросоциальные последствия – послужить трансформации системы взаимоотношений, изменению характера общения во многих бесланских семьях, между представителями различных поколений, различного пола, разного порядка рождения ребенка в семье, прежде жестко поддерживавшимися национальными и вероисповедальными традициями народа [3 и др.]. И, наконец, семья с её ненасильственными отношениями способна составить мощнейший ресурс в формировании личностно зрелого человека, способного к созиданию, а не к разрушению, дорожащего жизнью как высшей

нравственной ценностью, имеющего позитивную генерализацию восприятия себя, близких, других людей, умеющего выстраивать с людьми продуктивные позитивные отношения.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 246 с.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 3-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
3. Тащёва А.И. Впечатления психолога о проблемах Беслана // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 221–232.
4. Тащёва А.И. Насилие в современной американской семье // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 1. – С. 111–116.
5. Тащёва А.И. Развод родителей как психологическая проблема // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 2. – С. 532–542.
6. Тащёва А.И. Сексуальные оскорбления в современной американской семье // Психологический вестник РГУ. – 1996. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 35–57.
7. Тащёва А.И. Семейное насилие как поведенческое проявление агрессии / Серийные убийства и социальная агрессия. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 224–226.
8. Тащёва А.И., Зелинская С.Ю. Насилие в алкогольной семье // Психологический вестник РГУ. – 1997. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 52–63.
9. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Класс, 1996. – 431 с.